
Ксения Степанова
Сквозь сиреневый туман
Песнь пустоты
Книга третья

Ксения Степанова

Сквозь сиреневый туман, книга 3 «ПЕСНЬ ПУСТОТЫ»

https://litres.ru/74717763
SelfPub; 2026

Аннотация

Пустота не приходит как враг. Она приходит как тишина.

Лес умирает, и Летиция угасает вместе с ним. На этот раз у Циана нет алгоритма. Кибер-аналитик, привыкший всё просчитывать, впервые сталкивается с тем, что нельзя «починить» или переписать.

Пустота — не ошибка системы. Это завершение цикла. И чтобы спасти её, Циану придётся отпустить всё: свою логику, свой контроль, свою жизнь. Они должны шагнуть в белую тишину вместе, чтобы стать Песней — мостом между бытием и небытием.

Смогут ли два мира выжить, если их создатели растворятся в тумане? И что останется от любви, когда закончится время?

Финал трилогии «Сквозь сиреневый туман».

Содержание

ПРОЛОГ. «Песнь, которую слышит только она» 4
ГЛАВА 1. «Тишина в Лесу» 9
ГЛАВА 2. «Попытка заглушить» 17
ГЛАВА 3. «Пустота распространяется» 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Ксения Степанова
Сквозь сиреневый туман, книга 3
«ПЕСНЬ ПУСТОТЫ»

ПРОЛОГ. «Песнь, которую слышит только она»

Утро в урочище Бармино начиналось с тумана.

Он стелился по земле мягкими сиреневыми волнами, касался корней Стеклянного Дуба, обвивал сторожку с синими наличниками и медленно поднимался к небу, где растворялся в первых лучах солнца. Лес дышал ровно и глубоко, как человек, который наконец-то выспался после долгой болезни.

Летиция стояла на крыльце, держа в руках кружку с отбитым краем. Чай уже остыл, но она не замечала. Она смотрела на поляну, где трое учеников — Артём, Настя и Егорыч — сидели на траве, босиком, с закрытыми глазами. Они учились слушать.

— Не думайте, — говорила Летиция, хотя они и так знали это правило. — Не анализируйте. Просто чувствуйте. Земля

под вами — живая. Она дышит. Она слышит вас.

Артём приоткрыл один глаз.

— А если я слышу только свои мысли?

— Значит, ты ещё не слушаешь, — ответила Летиция. — Мысли — это шум. Лес — это тишина. Войди в тишину.

Артём закрыл глаз и снова сосредоточился. Летиция улыбнулась. Она помнила, как сама училась этому — давно, когда бабка впервые привела её к Стеклянному Дубу. Тогда ей было шестнадцать, и она ненавидела лес. Теперь лес был её домом.

Она обернулась. Циан стоял в дверях сторожки, держа в руках блокнот. Он что-то писал — наверное, очередную главу их истории. За год он написал почти половину. «Чтобы другие знали, — говорил он. — Чтобы не повторяли наших ошибок».

— Ты идёшь? — спросил он.

— Скоро, — ответила она. — Дай мне минуту.

Он кивнул и скрылся в доме. Летиция снова посмотрела на учеников. Они сидели неподвижно, и на их лицах постепенно появлялось выражение покоя. Егорыч уже улыбался. Он чувствовал.

Летиция отвернулась. И в этот момент — она не ожидала — что-то коснулось её слуха.

Не звук. Не шёпот. Песня.

Тихая, глубокая, как дыхание земли. Она шла откуда-то из-под ног, из глубины, из самых корней мира. Летиция за-

мерла. Кружка дрогнула в её руке.

— Что это? — прошептала она.

Никто не ответил. Ученики продолжали сидеть с закрытыми глазами. Циан был в доме. Лес молчал — но теперь это молчание было другим. В нём была Песнь.

Летиция тряхнула головой. Наваждение. Усталость. Она слишком много работала в последние дни — школа, ученики, Лес. Она просто устала.

Она допила остывший чай и пошла к ученикам.

День прошёл как обычно. Уроки, разговоры, обед у костра. Летиция учила их чувствовать корни, слышать ветер, понимать язык деревьев. Циан учил их читать Код — не как алгоритм, а как живой текст. Ученики старались. Артём уже мог войти в состояние «тишины» за минуту. Настя чувствовала боль деревьев. Егорыч просто улыбался и говорил: «Я всю жизнь это знал, только слов не находил».

Летиция радовалась. Школа работала. Лес оживал. Циан был рядом. Всё было хорошо.

Но Песнь не уходила.

Она возвращалась. Сначала — ночью, когда Летиция лежала без сна, глядя в потолок. Потом — днём, когда она работала в саду. Потом — вечером, когда они сидели у костра и Циан читал вслух написанную главу.

Песнь была тихой. Она не мешала. Она просто была. Как фоновый шум, который сначала раздражает, а потом становится привычным. Но Летиция не хотела привыкать.

Она попыталась заглушить её. Она пела громче, когда работала. Она говорила с Цианом о будущем — о новых учениках, о книге, о планах на зиму. Она смеялась. Она пыталась быть нормальной.

Но Песнь становилась громче.

Однажды ночью она не выдержала. Она встала с постели, вышла на крыльцо и закричала в туман:

— Что ты хочешь от меня?!

Туман не ответил. Только Песнь — глубокая, древняя — стала на мгновение громче. А потом снова затихла.

Летиция стояла на крыльце, дрожа. Она не знала, что это. Она не знала, откуда оно. Она только чувствовала: это не Король. Это не гниль. Это что-то другое. Что-то, что было здесь всегда — но она не слышала.

Она вернулась в дом. Циан спал. Она легла рядом, прижалась к его спине, закрыла глаза. Песнь осталась с ней.

Утром она решила не рассказывать ему. Пока не рассказывать. Он только начал приходить в себя после всего, что случилось. Он был счастлив. Она не хотела его тревожить.

Она улыбнулась ему, когда он проснулся. Она выпила с ним чай. Она пошла с ним к Дубу. Она смеялась над его шуткой.

Но Песнь была рядом. Она не уходила. Она ждала.

И Летиция знала: рано или поздно ей придётся сказать. Но не сегодня.

Сегодня она просто хотела быть с ним. С Лесом. С учени-

ками. С миром, который они спасли.

Сегодня она хотела быть счастливой.

Где-то в глубине Леса, у самых корней Стеклянного Дуба, земля дрогнула — едва заметно, почти незаметно. В самой тёмной глубине, там, где не было ни света, ни звука, что-то шевельнулось. Не проснулось. Но приоткрыло глаза.

Пустота ждала.

Она всегда ждала.

И теперь она начинала петь.

ГЛАВА 1. «Тишина в Лесу»

Прошло три дня.

Летиция старалась не думать о Песни. Она убеждала себя, что это была усталость — просто усталость, просто нервы, просто долгая зима, которая никак не хотела уходить. Она работала с учениками, чинила крышу сторожки, собирала травы на опушке, смеялась над шутками Егорыча и слушала, как Циан читает вслух написанные главы. Она была счастлива. Или почти счастлива.

Но Песнь не уходила.

Она стала громче. Не настолько, чтобы заглушить голоса или шум ветра, но достаточно, чтобы Летиция слышала её постоянно — как фон, как второй слой реальности, который накладывался на всё остальное. Она слышала её, когда просыпалась. Когда пила чай. Когда учила Артёма чувствовать корни. Когда целовала Циана перед сном.

Она пыталась заглушить её. Однажды утром, когда ученики ещё спали, она вышла на поляну и начала петь — громко, во весь голос, старую песню, которую пела ей бабка. Она пела, пока не сорвала голос. Но Песнь не ушла. Она стала только громче, как будто смеялась над её попытками. Летиция замолчала, и в наступившей тишине Песнь зазвучала ещё отчётливее.

Она не рассказывала Циану. Каждый раз, когда он спра-

шивал, всё ли в порядке, она улыбалась и говорила:

— Всё хорошо. Просто устала.

Он смотрел на неё внимательно — слишком внимательно, как умел только он, — но не настаивал. Он доверял ей. И это делало её ложь ещё тяжелее.

На четвёртый день они пошли к Стеклянному Дубу вместе.

Циан предложил сам. Утром, когда они пили чай на крыльце, он сказал:

— Пойдём к Дубу. Просто посидим. Я хочу проверить Карту.

Она кивнула. Она не сказала, что боится идти туда. Не сказала, что Песнь там становится громче. Она просто взяла его за руку и пошла.

Тропа была знакомой. Они шли медленно, и Лес вокруг них дышал — ровно, спокойно, как всегда. Птицы пели. Ветер шевелил листья. Всё было как обычно.

Но Летиция чувствовала: что-то не так. Что-то изменилось. Она не могла понять что. Просто чувствовала.

Они вышли на поляну. Стеклянный Дуб стоял на своём месте, его кора светилась тёплым золотым светом. Последний лист на верхушке — тот самый, что когда-то почти сорвался, — теперь был зелёным и живым. Он тихо покачивался на ветру.

Циан подошёл к Дубу, положил руку на кору. Он закрыл глаза, и Летиция увидела, как его лицо расслабляется. Он

чувствовал Лес. Он был частью его.

— Он спокоен, — сказал Циан, открывая глаза. — Дуб спокоен. Лес дышит.

— Да, — сказала Летиция. — Но что-то не так.

Он повернулся к ней.

— Что ты чувствуешь?

— Не знаю, — призналась она. — Просто… что-то. Как будто что-то ушло. Или уходит.

Циан нахмурился. Он достал Аналитическую карту — ту самую, что всегда была с ним. Она лежала на его ладони, пульсируя сиреневым светом. Он провёл по ней пальцем — и замер.

— Что? — спросила Летиция.

— Здесь, — сказал он, показывая на карту. — Новые узлы. Тёмные. Пустые.

Она подошла ближе. Посмотрела на карту. Там, где раньше были только светлые линии — связи, тропы, узлы, — теперь появлялись тёмные пятна. Они были маленькими, но их было много. И они расползались.

— Что это? — прошептала она.

— Не знаю, — сказал Циан. — Но это не гниль. Гниль была чёрной. А это… — он запнулся. — Это просто отсутствие. Как будто кто-то стёр краски.

Летиция почувствовала, как холодок пробегает по спине.

— Покажи мне, где это, — сказала она.

Он показал. Пятна были недалеко — на опушке, у ручья,

у старой сосны. Она знала эти места. Она ходила там каждый день. Но она не замечала ничего странного.

— Пойдём, — сказала она. — Я хочу посмотреть.

Они нашли первое пятно у ручья.

Это был участок земли, где ничего не росло. Ни травы, ни мха, ни цветов. Голая, серая земля, как будто кто-то стёр краски с холста. Но это было не просто отсутствие травы. Это было отсутствие всего. Воздух здесь был тяжёлым, как вода. Звуки — если они и были — тонули в этой тишине, не долетев до ушей.

Летиция протянула руку — и почувствовала холод. Не физический. Другой. Как будто из этого места ушла жизнь. Не умерла — ушла. Оставила после себя только пустоту.

Песнь стала громче.

— Ты чувствуешь? — спросил Циан.

— Да, — сказала она. — Здесь она громче.

Он посмотрел на Карту.

— Пятно растёт, — сказал он. — Медленно, но растёт. Если так пойдёт дальше, оно поглотит весь Лес.

— Что это? — спросила Летиция.

— Я не знаю, — признался он. — Но я выясню.

Они вернулись в сторожку к вечеру. Ученики уже закончили урок и сидели у костра. Артём что-то писал в блокноте. Настя смотрела на огонь. Егорыч чинил старую сеть.

Когда Летиция и Циан вышли из тумана, все трое подняли головы. И Летиция заметила — что-то изменилось. Они смотрели на неё не как обычно. Не с радостью. С тревогой.

Артём первым отвёл взгляд. Настя сделала вид, что поправляет костёр. Только Егорыч смотрел прямо — и в его глазах, старческих, мудрых, она увидела понимание.

— Что? — спросила Летиция.

— Ничего, — сказал Артём слишком быстро. — Просто… ты сегодня какая-то тихая.

— Я устала, — сказала она.

— Мы знаем, — сказала Настя. — Ты уже три дня «устала».

Летиция замерла. Она посмотрела на них — на всех троих. И поняла: они знают. Не всё. Но достаточно. Они чувствуют. Они ученики. Они учились слышать.

— Я не хочу об этом говорить, — сказала она. — Не сейчас.

Егорыч кивнул. Медленно. Спокойно.

— Мы не торопим, — сказал он. — Мы просто рядом. Когда захочешь — расскажешь.

Летиция почувствовала, как к горлу подступает комок. Она кивнула — и пошла в сторожку. Циан пошёл за ней. Он не сказал ни слова. Просто был рядом.

Ночью она не спала. Она лежала на лежанке, смотрела в потолок и слушала Песнь. Она не уходила. Она была рядом — тихая, глубокая, древняя. Летиция больше не пыталась её заглушить. Она просто слушала.

Циан сидел за столом. При свете свечи он смотрел на Аналитическую карту. Пустые узлы расползались. Он видел их — тёмные, пульсирующие. Они были уже не только в Лесу. Они были в Москве. В серверной. В его собственном Коде.

Он провёл пальцем по одной из линий — и почувствовал холод. Тот самый холод, который Летиция описывала. Холод отсутствия.

— Что ты такое? — прошептал он.

Карта не ответила. Но он знал: это не гниль. Не Король. Это что-то другое. Что-то, что было здесь всегда. Что-то, что ждало.

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он пытался найти алгоритм. Просчитать. Понять. Но впервые в жизни он не мог. Это не было кодом. Это не было системой. Это было отсутствие системы. Пустота.

Он встал, подошёл к Летиции, сел рядом. Взял её руку.

— Я найду способ, — прошептал он. — Я обещаю.

Она открыла глаза. Посмотрела на него — долго, внимательно.

— Я знаю, — сказала она. — Я всегда знала.

Она закрыла глаза. И впервые за три дня она улыбнулась — слабо, но по-настоящему.

— Спи, — сказал он. — Я рядом.

Она кивнула. И Песнь — тихая, глубокая — стала чуть тише. Не исчезла. Но стала тише.

Где-то в глубине Леса, у самых корней Стеклянного Дуба, земля снова дрогнула. Пустота росла. Медленно, но верно. Она не атаковала. Она просто была. И она ждала.

Песнь становилась громче.

ГЛАВА 2. «Попытка заглушить»

Утро началось с крика.

Летиция проснулась от того, что Песнь стала невыносимой. Она не просто звучала — она давила. Заполняла голову, грудь, каждую клетку тела. Летиция открыла глаза и увидела, что Циан уже не спит. Он сидел рядом, держал её за руку, и в его глазах был страх.

— Ты кричала, — сказал он.

— Прости, — прошептала она. — Я не хотела.

— Лети, — он сжал её руку. — Что происходит?

Она молчала. Она смотрела в потолок, и Песнь — тихая, глубокая, древняя — наполняла её целиком. Она больше не могла это игнорировать. Она больше не могла делать вид, что всё хорошо.

— Она зовёт меня, — сказала Летиция. — Я чувствую — это конец.

Циан замер. Он посмотрел на неё — долго, внимательно. В её глазах не было страха. Была усталость. И принятие.

— Это не конец, — сказал он, и голос его дрогнул. — Это не может быть концом.

— Это конец того, что было, — сказала она. — И начало того, что будет.

Он хотел возразить, но она приложила палец к его губам.

— Я не хочу спорить, Ци. Я хочу попробовать.

— Что попробовать?

— Заглушить её, — сказала она. — По-настоящему. Не так, как вчера. Я уйду в лес. Одна. И буду петь, пока она не замолчит.

— Это опасно, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она. — Но я должна попробовать.

Он молчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Но я буду рядом. Не с тобой. Но рядом.

Она улыбнулась — слабо, но тепло.

— Хорошо.

Летиция ушла в лес, как только взошло солнце.

Она шла босиком, в одной рубахе, и Песнь становилась громче с каждым шагом. Она не пыталась её игнорировать. Она шла прямо в неё. Как в омут.

Она остановилась на поляне, где вчера нашла пустое пятно. Оно стало больше. Теперь оно занимало почти всю поляну. Серая, мёртвая земля простиралась вперёд, и в её центре, в самой глубине, пульсировал белый свет.

Летиция встала на краю и закрыла глаза.

— Я не пойду с тобой, — сказала она. — Слышишь? Я не пойду.

Песнь ответила. Она стала громче. Не агрессивно, но настойчиво. Как будто говорила: «Ты не можешь не пойти. Ты уже идёшь».

Летиция открыла глаза. Она чувствовала, как что-то тянет

её вперёд, в это серое пятно. Она сделала шаг назад. Потом ещё один. Потом развернулась и побежала.

Она бежала через лес, не разбирая дороги. Ветки хлестали по лицу, корни путались под ногами. Она бежала, пока не выбилась из сил, и упала на колени у какого-то ручья. Вода журчала — единственный звук, который не заглушала Песнь.

Она посмотрела на своё отражение. В глубине её собственных глаз она видела белый свет. Пустоту. Песнь.

— Я не буду, — прошептала она. — Я не буду.

Но Песнь не уходила. Она становилась громче.

И тогда Летиция сделала то, что делала всегда, когда Лес был в опасности. Она начала петь.

Она пела громко, во весь голос, старую песню, которую пела ей бабка. Она пела, чтобы заглушить Песнь. Она пела, чтобы вернуть себе контроль. Она пела, чтобы не сойти с ума.

Но Песнь не уходила. Она сливалась с её голосом, переплеталась с ним, становилась частью её песни. Летиция пела всё громче, пока не сорвала голос. Она замолчала, хрипя, и в наступившей тишине Песнь зазвучала ещё отчётливее.

— Нет, — прошептала она. — Нет…

Она прижалась лбом к холодной земле. И Песнь — тихая, глубокая, древняя — наполнила её целиком.

Она не знала, сколько прошло времени. Может быть, час. Может быть, два. Она лежала на краю пустого пятна, и Песнь была внутри неё. Она больше не боролась. Она просто слу-

шала.

И в этом слушании она поняла.

— Ты зовёшь меня, — прошептала она. — Ты зовёшь меня домой.

Песнь ответила. Не словами. Чувством. Теплом. Миром.

Летиция закрыла глаза.

— Я слышу тебя, — сказала она. — Я слышу.

Циан нашёл её через час. Она сидела на краю пустого пятна, обхватив колени руками, и смотрела в белую пустоту. Он подошёл, сел рядом. Не сказал ни слова. Просто сел.

— Я слышу её, — сказала Летиция. — Она зовёт меня. Я чувствую — это конец.

Циан замер. Он посмотрел на неё — долго, внимательно. В её глазах не было страха. Была усталость. И принятие.

— Это не конец, — сказал он, и голос его дрогнул. — Это не может быть концом.

— Это конец того, что было, — сказала она. — И начало того, что будет.

Он взял её руку. Сжал.

— Я боюсь, — сказал он.

— Я тоже, — сказала она. — Но это не вопрос готовности. Это вопрос принятия.

Он притянул её к себе. Обнял. Крепко. Как будто боялся, что она исчезнет прямо сейчас.

— Я найду способ, — прошептал он.

— Я знаю, — сказала она. — Ты всегда находишь.

Но в её голосе не было веры. Только нежность. И это было хуже всего.

Они вернулись в сторожку к вечеру. Ученики ждали их у костра. Артём встал, когда они вышли из тумана.

— Ивга не пришла, — сказал он. Это был не вопрос.

— Нет, — сказала Летиция.

— Что это значит? — спросила Настя.

— Это значит, — сказал Циан, — что мы остались одни.

Тишина. Только костёр трещал. Егорыч подбросил ветку.

— Мы не одни, — сказал он. — Мы вместе. Этого достаточно.

Летиция посмотрела на него. На старика, который всю жизнь прожил на опушке Мещеры и знал, что лес — живой. На программиста, который слышал шёпот в серверной. На биолога, которая чувствовала боль деревьев.

— Да, — сказала она. — Мы вместе.

Она села у костра. Циан сел рядом. Ученики — напротив. Они сидели в тишине, и Песнь — тихая, глубокая — была с ними. Но теперь она не казалась такой страшной.

Ночью Циан не спал.

Он сидел за столом, при свете свечи, и смотрел на Аналитическую карту. Она лежала перед ним — живая, пульсирующая, как всегда. Но сегодня её линии были другими. Он видел новые узлы — тёмные, пустые. Они расползались. Они были уже не только в Лесу. Они были в Москве. В серверной. В его собственном Коде.

Он провёл пальцем по одной из линий — и почувствовал холод. Тот самый холод, который Летиция описывала. Холод отсутствия.

— Что ты такое? — прошептал он.

Карта не ответила. Но он знал: это не гниль. Не Король. Это что-то другое. Что-то, что было здесь всегда. Что-то, что ждало.

Он закрыл глаза. Он пытался найти алгоритм. Просчитать. Понять. Он перебирал всё, что знал: структуры, коды, формулы. Но ничего не подходило. Пустота не была ошибкой. Она не была багом. Она была… частью.

Он открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они дрожали.

— Я не могу её отключить, — прошептал он. — Я не могу её переписать. Я не могу её остановить.

Он встал, подошёл к Летиции. Она лежала с закрытыми глазами, и по её щеке скользила слеза. Он сел рядом. Взял её руку.

— Я найду способ, — прошептал он. — Я обещаю.

Она открыла глаза. Посмотрела на него — долго, внимательно.

— Я знаю, — сказала она. — Я всегда знала.

Она закрыла глаза. И Песнь — тихая, глубокая — стала чуть тише. Не исчезла. Но стала тише.

Утром они пошли к Ивге.

Ивга — Первая Хранительница — появлялась редко. Только в моменты нужды. В книге 2 она приходила к Циану,

когда Летиция умирала. Она показывала путь. Она говорила загадками. Но она всегда отвечала.

Они встали у Стеклянного Дуба. Летиция положила руку на кору. Циан встал рядом.

— Ивга, — позвала Летиция. — Ты здесь?

Тишина. Только Песнь — тихая, глубокая.

— Ивга, — повторила Летиция громче. — Пожалуйста. Нам нужна твоя помощь.

Ничего. Дуб молчал. Туман не шевелился. Песнь не стихала.

Циан нахмурился. Он тоже положил руку на кору — и попытался почувствовать. Ничего. Пустота.

— Она не отвечает, — сказал он.

— Она никогда не молчала, — прошептала Летиция. — Даже когда я была маленькой. Она всегда приходила.

Они стояли у Дуба, пока солнце не начало садиться. Ивга не пришла. Её дух молчал. Впервые за всю историю Леса — молчал.

Летиция опустилась на колени. Прижалась лбом к тёплой коре.

— Что происходит? — прошептала она. — Почему ты молчишь?

Дуб не ответил. Но она почувствовала, как его тепло становится слабее. Как будто он тоже боялся. Как будто он тоже не знал, что делать.

Циан сел рядом. Взял её за руку.

— Мы найдём другой способ, — сказал он. — Без Ивги. Без Кода. Без алгоритмов.

— Как? — спросила она.

Он молчал. Он не знал.

Они вернулись в сторожку к ночи. Ученики ждали их у костра. Артём встал, когда они вышли из тумана.

— Ивга не пришла, — сказал он. Это был не вопрос.

— Нет, — сказала Летиция.

— Что это значит? — спросила Настя.

— Это значит, — сказал Циан, — что мы остались одни.

Тишина. Только костёр трещал. Егорыч подбросил ветку.

— Мы не одни, — сказал он. — Мы вместе. Этого достаточно.

Летиция посмотрела на него. На старика, который всю жизнь прожил на опушке Мещеры и знал, что лес — живой. На программиста, который слышал шёпот в серверной. На биолога, которая чувствовала боль деревьев.

— Да, — сказала она. — Мы вместе.

Она села у костра. Циан сел рядом. Ученики — напротив. Они сидели в тишине, и Песнь — тихая, глубокая — была с ними. Но теперь она не казалась такой страшной.

Ночью Летиция не спала. Она лежала, смотрела в потолок и слушала Песнь. Она больше не пыталась её заглушить. Она просто слушала. И в этом слушании было что-то… правильное. Как будто она наконец-то делала то, что должна.

Циан сидел за столом. Он смотрел на Аналитическую кар-

ту. Пустые узлы расползались. Они были уже не только в Лесу. Они были в Москве. В серверной. В его собственном Коде.

Он закрыл глаза. Он пытался найти решение. Он перебирал всё, что знал: алгоритмы, структуры, коды. Но ничего не подходило. Пустота не была ошибкой. Она не была багом. Она была… частью.

Он открыл глаза и посмотрел на Летицию. Она лежала с закрытыми глазами, и по её щеке скользила слеза.

— Я не сдамся, — прошептал он. — Слышишь? Я не сдамся.

Она не ответила. Но он знал — она слышит. И Песнь — она тоже слышит. Она всегда слушает.

Где-то в глубине Леса, у самых корней Стеклянного Дуба, земля снова дрогнула. Пустота росла. Песнь становилась громче. И где-то там, в белой тишине, что-то улыбнулось.

Оно ждало. Оно всегда ждало.

ГЛАВА 3. «Пустота распространяется»

Утро началось с того, что лес потерял голос.

Летиция вышла на крыльцо и замерла. Птиц не было слышно. Ветра не было. Даже привычного скрипа старой берёзы у крыльца — и того не было. Лес, который всегда дышал, теперь молчал. Как будто затаился.

Циан вышел следом. Он посмотрел на неё, потом на лес.

— Что случилось? — спросил он.

— Слушай, — сказала она.

Он прислушался. Тишина. Глубокая, давящая, как будто кто-то накрыл лес невидимым колпаком.

— Птицы, — сказал он. — Их нет.

— Не только птицы, — сказала Летиция. — Ветер. Шелест листьев. Даже ручей за сторожкой — и тот замолчал.

Она спустилась с крыльца и пошла в лес. Циан пошёл за ней. Они шли молча, и тишина вокруг них становилась всё гуще. Как будто они входили в воду.

Первое пятно они нашли у ручья. Оно стало больше. Теперь оно занимало почти весь берег. Серая, мёртвая земля расползалась в стороны, и в её центре пульсировал белый свет.

— Оно растёт, — сказал Циан. — Быстрее, чем вчера.

— Да, — сказала Летиция.

Они пошли дальше. Второе пятно было у старой сосны. Третье — на опушке, где раньше росли грибы. Четвёртое — у тропы, ведущей к капищу.

— Их становится больше, — сказал Циан. — И они расползаются.

Летиция остановилась. Она посмотрела на лес — на деревья, которые стояли неподвижно, на землю, которая теряла краски, на тишину, которая становилась всё глубже.

— Он умирает, — сказала она. — Не так, как от гнили. Не так, как от Разрыва. Он просто… уходит.

Циан достал Аналитическую карту. Она лежала на его ладони, пульсируя сиреневым светом. Он провёл по ней пальцем — и замер.

— Что? — спросила Летиция.

— Пятна, — сказал он. — Они не просто растут. Они соединяются. Скоро они сольются в одно.

— И что тогда?

Он молчал. Он не знал.

К обеду Пустота добралась до школы.

Артём сидел на поляне, пытаясь войти в состояние «тишины», как учила Летиция. Он закрыл глаза, расслабился, потянулся к земле. Но вместо тишины он услышал Песнь.

Он вскочил. Глаза расширились. Дыхание сбилось.

— Что это?! — крикнул он. — Что это за звук?!

Летиция подбежала к нему. Настя и Егорыч тоже.

— Артём, успокойся, — сказала Летиция, беря его за руки. — Это Песнь. Она не опасна.

— Она везде! — он вырвал руки. — Она в голове! Она не уходит! Что это?!

Он попятился. Его глаза бегали. Он был в панике.

— Артём, — Летиция шагнула к нему. — Посмотри на меня. Слышишь? Только на меня.

Он посмотрел. Дрожа.

— Это не смерть, — сказала она тихо. — Это переход. Она зовёт. Но она не забирает. Слышишь? Она не забирает.

— Откуда ты знаешь? — прошептал он.

— Потому что я слышу её дольше, чем ты, — сказала она. — И я всё ещё здесь.

Артём молчал. Его дыхание постепенно выравнивалось. Настя подошла, положила руку ему на плечо. Егорыч встал рядом.

— Мы вместе, — сказал старик. — Помнишь? Этого достаточно.

Артём кивнул. Медленно. Его всё ещё трясло, но паника отступала.

Циан стоял в стороне и смотрел. Он видел, как Летиция успокаивает Артёма. Как она говорит с ним — мягко, уверенно. Как она принимает то, что он сам не мог принять.

— Это не смерть. Это переход.

Её слова звучали в его голове. Она сказала это так просто. Так спокойно. Как будто уже смирилась. Как будто уже знала,

что произойдёт.

Он отвернулся. Пошёл к сторожке. Сел за стол. Уставился на Аналитическую карту.

Пустые узлы расползались. Они были уже не только в Лесу. Они были в Москве. В серверной. В его собственном Коде. Он видел их — тёмные, пульсирующие, как червоточины. И он ничего не мог с ними сделать.

Он провёл пальцем по одной из линий — и почувствовал холод. Тот самый холод. Холод отсутствия.

— Что ты такое? — прошептал он. — Что тебе нужно?

Карта не ответила. Но он знал: это не гниль. Не Король. Это что-то другое. Что-то, что было здесь всегда. Что-то, что ждало.

Днём Циан попробовал остановить Пустоту.

Он взял Аналитическую карту, вышел на поляну и встал на краю серого пятна. Летиция была рядом. Ученики — позади.

— Я попробую создать барьер, — сказал он. — Как тогда, с гнилью. Я вплету в Код новые узлы, и Пустота не пройдёт.

— Ты уверен? — спросила Летиция.

— Нет, — сказал он. — Но я должен попробовать.

Он закрыл глаза и сосредоточился. Он видел структуру Леса — живую, дышащую сеть. Он видел узлы, связи, тропы. Он видел Пустоту — серые пятна, которые расползались, как чернильные кляксы. И он начал вплетать в Код новые линии — светлые, тёплые, живые.

Он работал долго. Пот его лил градом. Руки дрожали. Но он не останавливался. Он создавал барьер — тонкий, почти невидимый, но живой. Он должен был остановить Пустоту.

Когда он закончил, он открыл глаза. Барьер светился — слабо, но живо. Он опоясывал серое пятно, не давая ему расползаться дальше.

— Получилось, — выдохнул он.

Но в тот же миг Пустота дрогнула. Она не атаковала барьер. Она просто прошла сквозь него. Как будто его не было. Как будто он был из бумаги.

Барьер погас. Пятно стало больше.

Циан упал на колени. Он смотрел на свои руки. Они дрожали.

— Я не могу, — прошептал он. — Я не могу её остановить.

Летиция подошла к нему. Села рядом. Взяла его за руку.

— Я знаю, — сказала она. — Я тоже не могу.

— Тогда что нам делать? — спросил он, и голос его дрогнул.

— Принять, — сказала она. — Или бороться. Но не стоять на месте.

Он посмотрел на неё. На её глаза — золотые, усталые, но спокойные. На её руки — тёплые, живые. На её губы, которые улыбались — слабо, но по-настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.